

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 766-774, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:39 (571.6)

Modernization of Ethnocultural Processes in the National Areas of the Far East (1920s – 1930s years)

¹ Anna V. Akhmetova
² Sergej V. Bobyshev

¹ Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russian Federation
681021 Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, Oktyabrskiy avenue, 36-55
PhD (History), Associate professor
E-mail: wyrds@rambler.ru
² Far Eastern State Transport University, Russian Federation
680021 Khabarovsk, Serysheva Str., 47
Dr. (History), Professor
E-mail: history@festu.khv.ru

Abstract

The article deals with the history of socialistic modernization of traditional ethnic groups of the Russian Far East in 1920s-1930s on the basis of the unpublished documents from federal and national archives introduced for scientific use for the first time. The increased focus is put on the problems of transformation of ethnical and cultural processes in the national areas of the Far East where the role of the Committees for Affairs of the North was fundamental. The key areas of radical changes included educational and fostering institutions, medical, sanitary and hygienic services of the native minorities of the Far East. Outreach centers, innovative schools, northern branches of the leading Institutions of Higher Education became the institutional basis for modernization. The main problem at this stage was training of teaching staff. Lack of teachers in the first instance created a considerable obstruction to modernization activities. A lot of efforts were spent to development of a hospital system in national areas. However this goal had not been achieved in pre-war period. The conclusion on critical consequences of these activities for further development of intellectual and material culture of aborigines including the formation of national clerisy was made. The development of clerisy among the peoples of the North was considered the most effective way of their integration into the Soviet system. The Soviet government did not always take into account special aspects of life and traditions of the native minorities of the Far East, the peculiarities of their material and intellectual culture. The forced modernization of the country resulted in unrecoverable damage to the traditional culture of the indigenous peoples who had just reached the primitive communal system breakup stage and created on its ruins the new socialist culture acceptable to the Soviet state.

Keywords: native minorities, education, medical services, outreach center, modernization, the Far East.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется теми вызовами, которые бросает современная международная ситуация. Традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности, поэтому укрепление единства российской нации, формирование общегражданской идентичности россиян, обеспечение динамичного этнокультурного и духовного развития народов России, противодействие этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму являются важными факторами дальнейшего устойчивого развития страны. Эти позиции закреплены в постановлении Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”[1]», которая, в свою очередь,

призвана упрочить единство многонационального народа Российской Федерации; содействовать гармонизации межнациональных отношений и этнокультурному многообразию народов России.

Культурное сотрудничество является важным инструментом внутренней и внешней политики, средством разрешения межэтнических конфликтов. Исследование истории этнокультурных процессов в дальневосточном регионе представляется нам очень актуальным на современном этапе, так как позволяет решить многие проблемы межэтнических барьеров, созданных ранее, и наладить комфортные отношения в разноэтнической среде.

Материалы и методы

Основные проблемы, решаемые в данной статье, рассматриваются сквозь призму теории модернизации. Данная концепция является вполне устоявшейся в истории и, кроме того, претендует на прочное место как весьма сложное концептуальное явление осовременивания на более высоком уровне знания, позволяющего обнаружить особенности переходного этапа общества от одной цивилизации к другой [2].

С целью раскрытия тематики была привлечена репрезентативная источниковая база. Именно в документах отражена история модернизации жизни традиционных этносов и вовлечения их в цивилизованное общество. В Государственном архиве Российской Федерации сложился фонд Р-3977 Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета, в котором находится 1194 единиц хранения за период 1922–1935 гг. Немаловажное значение имеет группа документов, сосредоточенных в фондах Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Они, являясь показателями реализации государственных решений на местах, позволяют проанализировать решения региональных властей по вопросам национальной политики и выявить их специфику. Также в исследовании привлечены опубликованные источники, как официального, так личного происхождения.

Для решения поставленных задач использован разнообразный методологический инструментарий. Благодаря историко-системному анализу можно произвести обобщение исторических фактов и рассмотреть межэтническую коммуникацию на Дальнем Востоке как целостную систему, важным элементом которой являются этнокультурные процессы в национальных районах Дальнего Востока России. Также в работе использован историко-генетический метод в процессе раскрытия фактов и событий взаимодействия различных культур с учетом их изменения в процессе исторического развития региона. Структурно-функциональный метод использован для выявления структурных элементов процесса межэтнической коммуникации и их взаимосвязей. Семиотический анализ помог при исследовании особенностей мышления представителей различных национальных культур Дальнего Востока России.

Обсуждение

Анализ историографии проблемы выявил наличие множества подходов к изучению этнокультурных процессов. Предварительное изучение вопроса также показало, что уже существуют труды, посвященные этнокультурным процессам на Дальнем Востоке России, но они выполнены, преимущественно, в рамках лингвистического и культурологического научных подходов. Специального исследования, посвященного всестороннему освещению различных аспектов межэтнической коммуникации на Дальнем Востоке в системе как исторического процесса трансформации взаимоотношений различных народов и культур на сегодня еще не существует. Имеющаяся по данному региону информация представлена узкими специализированными исследованиями, не предусматривающими комплексного подхода, поэтому изучение данной проблематики требует дальнейшего рассмотрения, что мы и намереваемся представить в своем исследовании. Исследование этнокультурных процессов в период радикальной трансформации всего советского общества и государства в региональном разрезе является приоритетным направлением современных гуманитарных наук, как отечественных, так и зарубежных. Междисциплинарность данного направления отвечает самым актуальным тенденциям в развитии современной науки.

Результаты

После провозглашения в «Декларации прав народов России» [3] свободного развития всех наций, коренных народов и этнографических групп, населяющих территорию России, советские власти обязали Наркомат по делам национальностей на местах представлять в Совете Народных Комиссаров и местных Советах интересы коренного населения. Советская власть осознавала необходимость поддержки многочисленных этносов, и проводила политику, обеспечивающую необходимые условия проживания для всех без исключения народов страны.

Впечатляющими были успехи в сфере образования, которые можно оценивать как наиболее позитивный аспект среди всех преобразований у северных народов. В течение 1930-х гг. советский режим осуществил масштабные меры, направленные на ликвидацию безграмотности у народов Севера, создание для них широкой сети школьного образования и возможностей получения ими высшего образования, формирование у них слоя интеллигенции. Большое значение имело создание в этот период письменности на языках северных народов – сначала на основе латинской графики, а затем на

базе русского алфавита. Были опубликованы буквари, школьные учебники, разнообразная литература на языках этих народов, стали выходить периодические издания на этих языках. Обучение в школах велось на родном языке. Получили значительное развитие литература и искусство народов Севера. Все это составляло заметный контраст с ситуацией при царском режиме. В целом для этого периода характерен существенный прогресс в культурном развитии коренных народов.

Новой организационной формой культурно-просветительной работы на Севере, приспособленной к местным условиям и суровой жизненной обстановке, в конце 1920 – начале 1930-х гг. стали культбазы Комитета Севера. Они объединяли в одном комплексе все виды обслуживания населения – организационно-хозяйственное, культурно-просветительское, медицинское, ветеринарное и др., становились центром хозяйственно-культурной жизни. Культбазы создавались в глухих изолированных районах, в местах сосредоточения кочевого и оседлого населения. На Дальнем Востоке были созданы культбазы: Чумиканская (на р. Уд) и Нагаевская (Тауйская губа) – для эвенков; Сахалинская (Ноглики) – для нивхов, ороков, эвенков; Пенжинская (на р. Пенжина) – для коряков; Чаунская (на р. Чаун) и Вилюнейская (на р. Хатырка) – для чукчей; Чукотская (бух. Лаврентия) – для чукчей и эскимосов [4].

В состав культбаз входили: школа-интернат, больница с амбулаторией и яслями, магазины, клуб, радио- и киноустановка, ремесленные мастерские, дома для кочующих аборигенов [5]. Комплектовались культбазы специалистами, хорошо знакомыми с местными условиями. Они помогали населению в хозяйственной деятельности, снабжали его новыми видами промыслового инвентаря – усовершенствованными сетями, неводами, оружием. Оказывали и ветеринарная помощь заболевшим животным [6].

В повседневную практическую работу на культбазах вовлекались туземцы и в качестве членов Совета культбазы, администраторов, технических работников, санитаров, больничных сиделок, пастухов и т.д. При культбазе строились жилые дома для сотрудников и приезжающих. Здесь же должен был работать и тузрик (туземный районный исполнительный комитет).

Перед советским государством стояла задача ликвидации неграмотности коренного населения, которая осложнялась нехваткой квалифицированных кадров, слабой материальной базой, отсутствием пригодных помещений для школ, недостаточным вниманием общественных организаций к указанной проблеме.

На Северо-Востоке России, в Приамурье, Приморье, на Сахалине создавались разнообразные типы школ: временные, передвижные, кочевые. По мере развития начального всеобщего образования развивалась сеть неполных средних школ. Процесс школьного обучения осложняло отсутствие материальной базы, недокомплект учителей, владеющих языками коренных народов и методикой их преподавания. Первыми учителями были приезжие русские, которым приходилось осваивать языки коренного населения, так как большинство детей в те годы не знали русского языка. Несомненно, выдающуюся роль в просвещении коряков, нанайцев, чукчей, эскимосов, удэгейцев и др. сыграли в 1920–1930-х гг. И.С. Вдовин, С.Н. Стебницкий, П.Я. Скорик, Г.Я. Кузьмин, Е.С. Рубцова и другие педагоги-просветители.

В целях разработки необходимых рекомендаций для учителей Дальнего Востока и повышения их активности, ДальОНО в эти годы проводит ряд совещаний и съездов краевого масштаба. С целью совершенствования организации методической работы с учительством, в октябре 1925 г. при ДальОНО был создан научно-методический совет. Предложения Комитета Севера по школьной программе были обсуждены и приняты в 1925 г. Главная идея программы состояла в необходимости удержать население северной зоны на родине, так как хозяйственное использование тундры без них было невозможно. В этот период программа была построена по следующему принципу: образование не должно было отрывать аборигена от его привычной хозяйственной деятельности и быта и отлучать от традиционного производства. Система обучения согласовывалась с местными обычаями и сезонными производственными циклами.

Значительная часть коренного населения Севера вела кочевой и полукочевой образ жизни, а та, что перешла к оседлому, располагалась в небольших поселках, находящихся на далеком расстоянии друг от друга. Поэтому обычные школы были непригодны в условиях Севера. Здесь был нужен другой тип школы, соответствующий своеобразию жизни и быта коренного населения.

Таким новым типом стали школы-интернаты, где дети не только учились, но и жили в течение всего учебного года, получая от государства бесплатное питание, одежду, белье, имея возможность основательно овладеть новыми культурными навыками. С 1925/1926 учебного года Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР начал оказывать районам Крайнего Севера финансовую помощь для обустройства новой интернатской системы. Из средств госбюджета в этом году было отпущено 138 тыс. р. На эти деньги содержалось шесть школ-интернатов. В 1926/1927 учебном году количество госбюджетных школ на Севере возросло до двенадцати [7].

Если в 1928–1929 гг. на Дальнем Востоке функционировало всего 29 национальных школ, то на 1 сентября 1940 г. их было уже 136. Контингент учащихся соответственно возрос с 1488 до 3648 человек [8]. Это дало возможность активнее готовить новые педагогические и медицинские кадры.

Осенью 1926 г. по ходатайству Комитета Севера был открыт рабфак при Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ). 8 ноября 1927 г. рабфак был преобразован в Северный

факультет ЛИЖВЯ путем слияния северной группы ЛГУ и подготовительных курсов ЛИЖВЯ. Местные органы власти направляли на учебу способную молодежь из отдаленных кочевий и стойбищ, хотя многие из них были неграмотны. За годы учебы в институте они получали необходимые знания, а по возвращении на родину становились пропагандистами новой советской культуры и быта.

В декабре 1929 г. Северный факультет ЛИЖВЯ был преобразован в Институт народов Севера (ИНС) при ЦИК СССР. Все расходы на создание и содержание его взяло на себя Главное управление Северного морского пути, которое оказывало немалое содействие обустройству жизни коренных малочисленных народов. Целью нового образовательного учреждения была поставлена подготовка «из среды трудящегося населения» специалистов средней и высшей квалификации «по советско-партийному и культурному строительству, кооперативно-колхозному и индустриально-промысловому делу для Севера» [9].

В этот период развивалась сеть педагогических училищ непосредственно на Дальнем Востоке. В 1930-х гг. учителей для начальной школы Северо-Востока стали готовить Тигильское (Корякский национальный округ) и Анадырское (Чукотский национальный округ) педагогические училища. Специалистов для школ народов Приамурья и Сахалина выпускало Николаевское-на-Амуре педучилище. Дефицит потребности в учительских кадрах школ 1 и 2 ступени покрывался закреплением выпуска из педагогических техникумов и пединститутов. Дополнительно к этому из педагогических техникумов, находящихся в других областях и краях, выделялись для школ первой ступени 600 человек, для школ третьей степени – 225 человек [10]. Можно сказать, что благодаря прикреплению к определенному району учащихся из педагогических техникумов и институтов была решена проблема с кадрами учителей на местах в школах. В 1929–1934 гг. на Севере был всего 1 техникум, в котором обучалось 90 человек, далее мы видим, что с 1934–1937 г. их количество увеличивается до 2, а число учащихся до 139 человек [11].

Комитет Севера решал множество задач, среди которых основными были хозяйственные и культурные. Организации присылали множество жалоб и просьб: «Просим помочь нам Комитет Севера в организации экскурсий в г. Москву и г. Ленинград часть средств нам дает Профком и дирекция техникума, а части у нас не хватает. Необходимо ходатайствовать перед Наркомпросом об ассигновании нам средств в размере 3000 рублей и помощь в организации: размещения въезда экскурсантов в Москву и Ленинград, так же в питании экскурсантов бесплатно в Москве и Ленинграде и разрешить посетить экскурсантам предприятия легкой промышленности и индустрии. Так же прошу о снабжении экскурсантов билетами в кино, пионерские клубы. Просим снабдить их работой, учитывая наши специфические особенности района и нас самих, так же и то, что большинство с Крайнего Севера оканчивающих учебу едут в районы Крайнего Севера, чаще национальные, и все практиканты туземного отделения едут в национальные районы. Здесь большинство из них станут самыми культурными и осведомленными людьми» [12].

В целях разработки необходимых рекомендаций для учителей Дальнего Востока и повышения их активности, ДальОНО в эти годы проводит ряд совещаний и съездов краевого масштаба. С целью совершенствования организации методической работы с учительством, в октябре 1925 г. при ДальОНО был создан научно-методический совет. Школы райцентров, выступая своего рода учебно-методическим центром для школ района, должны были служить для них образцом. ДалькрайОНО совместно с ДВ комитетом Севера разработали своеобразную разрядку с определением мест в техникуме не только по отдельным национальным районам, но и по отдельным народам.

Набор учащихся педтехникума на 1927–1928 гг. проводился строго по плану, в том числе, с Камчатки в подготовительную группу планировалось набрать 5 человек, в первую группу – 5 человек, а с Сахалина в подготовительную группу – 3 учащихся, в первую – 3 учащихся, из Николаевского-на-Амуре округа в подготовительную группу – 6 человек, в первую группу – 4 человек, из Хабаровского в подготовительную группу – 8 человек, в первую группу – 3 человек [13].

В целях обеспечения школ педагогическими кадрами было принято решение о проведении досрочного выпуска третьих курсов педагогических техникумов, приостановлении введения десятого года обучения в школах с педагогическим уклоном, организации сети краткосрочных курсов для окончивших школы II ступени и семилетки, привлекая, в первую очередь, по согласованию с ВЛКСМ, комсомольцев и безработных. Таким образом, были приняты меры по решению проблемы с подготовкой молодых учителей, но, тем не менее, осталась важная проблема нехватки кадров для подготовки специалистов, в частности, компетентного руководства работой техникума.

Остро стояла проблема педагогического состава на местах: «Текущим летом был председатель КрайОНО. Он констатировал целый ряд ненормальностей в работе техникума, но устранить их не помог. В отношении же методической работы техникума председатель край ОНО сам затруднился, поскольку он впервые встретил такое своеобразное положение. Опытных преподавателей совершенно нет. Директор имеет опыт Совпартшколы. Отсюда кустарщина в организации учебного процесса» [14].

Методическая секция научно-исследовательской ассоциации Института Народов Севера ЦИК СССР являлась единственной методической базой Народного Комиссариата Просвещения. В 1934 г. была проделана большая работа по заданию Народного Комиссариата Просвещения, изданы

программы методических материалов для северной школы по математике, естествознанию, русскому языку и по двум языкам народов Севера [15].

На 1 сентября 1936 г. северные педагогические техникумы охватили 754 студента, из них детей народов Севера – 345 человек. А.Н. Тищевская окончила Благовещенский педагогический техникум. Затем она работала в Тигильском районе (с. Хайрюзово) три года, где вела большую общественную работу по ликвидации неграмотности, организовала драматические кружки. В начале учебного года учащиеся допускали до 40 ошибок на диктант в 50 слов, а к концу года – уже до 27 ошибок [16].

К концу 1930-х гг. многие выпускники вернулись в свои родные места, прежде всего, в качестве учителей, а также различных должностных лиц. Доля населения с высшим образованием среди коренного народа была не меньше, чем в целом по отношению к населению всей страны. Коренные народы отличались малым удельным весом технической образованности, в то время как доля гуманитарной интеллигенции являлась чрезмерно большой. Это было связано с усиленной подготовкой национальных кадров учителей, предназначенных для обеспечения системы школьного образования в северных регионах. Кроме того, коренное население включало немалое число врачей, ученых, учителей, писателей, поэтов, руководящих работников [17].

Политика советской власти в 1920–1930-е гг. имела как положительные, так и отрицательные последствия. Необходимо отметить, что советское правительство не всегда учитывало бытовые особенности и традиции северных народов, особенности материальной и духовной культуры. Недостаточное внимание к культурному укладу жизни, обычаям коренного населения затрудняло проведение эффективной подготовки кадров, утрачивалась самобытность народов, разрушались семейные устои и связи поколений [18].

Несомненно, большим результатом можно считать становление сети техникумов и развитие университетов, что повлияло на решение кадровой проблемы. В это время была создана сеть детских дошкольных учреждений, система работы подготовительных классов и отделений. Были открыты районные школы, национальные школы с интернатами в населенных пунктах, школы-интернаты при культулбазах, кочевые школы, средние специальные учебные заведения. Существенную роль в этой системе в годы советской власти выполняли Санкт-Петербургский институт народов Севера, Хабаровский государственный педагогический институт, Анадырское педагогическое училище [19].

Такая политика принесла значительные успехи в деле формирования широкого интеллектуального слоя у народов Севера. В первую очередь, это касается учительских кадров, призванных обеспечить функционирование системы школьного образования в северных регионах. Кроме того, национальная интеллигенция включала немалое число врачей, ученых, писателей, поэтов, руководящих работников и представителей других профессий. Значительный процент руководителей местных органов управления в этот период составляли представители северных народов [20].

К концу 1930-х гг. многие выпускники института вернулись в свои родные места, прежде всего в качестве учителей, а также различных должностных лиц. Доля интеллигенции среди аборигенного населения чуть не меньше доли интеллигенции в целом по отношению к населению всей страны. Коренные народы отличались лишь малым удельным весом технической интеллигенции, в то время как доля гуманитарной интеллигенции являлась чрезмерно большой [21]. Многие из представителей малочисленных этносов становились известными не только на своей родине, но и за рубежом.

Идеологическое воспитание интеллектуальных кадров северных народов определялось целью их формирования. Цель создания национальной интеллигенции у коренных этносов была связана со стремлением советской власти преобразовать их жизнь на социалистических началах. Подготовка интеллектуалов из среды народов Севера рассматривалась как наиболее эффективное средство их интеграции в советскую систему.

Советское государство с самого начала своего существования обращало внимание на устройство жизни и быта коренных малочисленных народов Севера, что отражало идейные основы национальной политики партии. Уровень медицинского обслуживания аборигенного населения Дальнего Востока был самым низким по стране и требовал скорейшего вмешательства новой власти. Так, на Чукотке с 1889 г. (с момента прибытия первого врача) по 1923 г. побывали девять врачей и фельдшеров, было организовано два фельдшерских пункта (Анадырь и Марково), которые обслуживали в основном администрацию [22].

На начальном этапе существования Советского государства не могло быть и речи об организации постоянной сети медицинских учреждений для коренных малочисленных народов Дальнего Востока, что связано с отдаленностью территорий, нехваткой средств и кадров. Наиболее подходящей формой медико-санитарного обслуживания коренных народов стала организация врачебных отрядов. Большую работу, как лечебно-профилактическую, так и научно-исследовательскую, проводило Российское общество Красного Креста (РОКК).

Во второй половине 1920-х гг. были организованы врачебные отряды по всем округам Дальнего Востока. Отряды разрабатывали маршруты движения по национальным стойбищам, которые должны были обеспечить максимальный охват коренного населения. Сотрудники обследовали аборигенов, организовывали прививки, проводили санбеседы и т.д.

Так, Николаевский отряд за период работы с 1 октября по 31 декабря 1927 г. обследовал 8 стойбищ, насчитывающих 62 двора, имеющих 68 семей в числе 382 чел., из них мужчин – 93, женщин – 97, детей – 148; по национальности – нанайцы. Во время обследования произведена прививка от оспы 103 чел., из них 99 вакцинации и 4 ревакцинации. Остальные дети имели привитую оспу раньше, следы которой имеются на лице. До прививки детрита туземному населению он был испытан прививкой его 20 школьникам в с. Вознесенском, которая дала положительный результат до 60 % [23].

С января по май 1928 г. действовал передвижной врачебный пункт доктора Сахарова в районе долин рек Хор и Бикин, который описывал свою работу следующим образом: «Закончил свою работу на Хору пункт 8 марта, за все время пропустил 204 туземца, из числа 220 насчитывающихся проживающими на Хору, из них мужчин 69, женщин 72 и детей в возрасте до 10 лет – 63 (мальчиков 31 и девочек 32). При осмотре их обнаружено: абсолютно здоровыми – 110; больных: туберкулезом – 9; болезнями дыхательных путей – 8; желудочно-кишечными – 5; кожными – 27 (чесотка, парша); венерическими – 0; глазными – 19 (слепота – 12), ушными – 4; болезнями сердца и сосудистой системы – 105, хирургическими болезнями – 23; костный туберкулез – 2; атрофия грудных желез – 5, цинга – 44 [24].

В результате поездки в низовья Амура и обследования состояния здоровья гиляков сел. Чарбах сотрудником Дальневосточного химико-бактериологического института врачом Л.И. Витте было выявлено «большое распространение чахотки среди гиляков Чарбаха и еще большую зараженность глистами, в т.ч. крайне вредным солитером. Почти во всех вскрытых экземплярах кеты и дельфинов было найдено огромное количество разного рода глистов. Гилякское население почти сплошь кету употребляет в пищу в сыром виде, чем и объясняется и зараженность глистами» [25]. Это послужило сигналом для организации бактериологическим институтом поголовного обследования на глисты учащихся туземного отделения Хабаровского педагогического техникума. Были проведены медицинское освидетельствование учащихся-туземцев Педагогического техникума с составлением личных карточек, проверка работоспособности врача Педагогического техникума в отношении ухода за больными, оказание содействия в получении разрешения тяжелобольных туземцев помещать на лечение в городской больнице [26].

В результате деятельности подвижных врачебных отрядов в 1927 – 1928 гг. был сделан большой шаг вперед в деле обслуживания аборигенного населения. Комитет Севера при ДКИК принял решение о необходимых мероприятиях по линии органов здравоохранения среди коренного населения (28 января 1928 г.), а именно переводе подвижных отрядов на стационарное положение и организации специальных обследований распространенности определенных заболеваний.

Таким образом, в 1926–1929 гг. работал 31 передвижной врачебный отряд, из них – 25 действовали по линии Красного Креста, 6 – по линии Наркомздрава. На систему медицинского обслуживания было выделено 411 367 р. [27]

В протоколах Первого туземного съезда представлены доклады с мест по самым разнообразным вопросам. Так, в докладе о работе туземного населения Амурской губернии были озвучены проблемы с медицинскими пунктами для аборигенного населения, а именно недостаточное финансирование и, как следствие, нехватка кадров, отсутствие медикаментов. Прививание от оспы национального населения происходит бессистемно, эпизодически. Во многих случаях прививка от оспы вообще не имела никакого результата, так как аборигенное население проживало в неотапливаемых помещениях, где заболевание не прививается [28]. Это была общая проблема всей Дальневосточной области.

В 1928 г. Комитет Севера принял решение организовать медицинские учреждения в компактно населенных и отдаленных районах. Ведущей формой медицинской помощи должны были стать стационарная база в административном центре коренных жителей и культбаза с разъездным персоналом. Следует учитывать объективные факторы, которые препятствовали оказанию качественной медицинской помощи аборигенным народам, такие как суровые природно-климатические условия, отсутствие подходящих путей сообщения, огромные пространства тайги и тундры, на которых проживали аборигены. Все это затрудняло развитие системы здравоохранения у коренного населения северных территорий. Недостатками медицинского обслуживания являлись низкая квалификация медработников и недобросовестное отношение отдельных сотрудников к своим обязанностям. Таким образом, с образованием Комитетов Севера фактически было положено начало созданию системы здравоохранения и просвещения у коренных народов.

Заключение

Октябрьская революция оказала большое влияние на жизнь коренного населения, в целом, и на этнокультурные процессы, в частности. Политика Советской власти была направлена на ликвидацию культурной отсталости. Была оказана помощь голодающему населению, которое получало продукты только во время навигации, организованы передвижные больницы, врачи посещали стойбища, часто ездили за кочующими племенами, осматривали население и лечили его. Это занимало много времени, так как стойбища находились на далеких друг от друга расстояниях, так же лечение

населения осложнялось недоверием со стороны коренных жителей привыкших лечиться у шаманов. Тем не менее, эти передвижные больницы сыграли большое значение.

Комитет Севера провел большую работу, направленную на развитие культурно-политического просвещения населения Севера. Было принято решение об устройстве культбаз, которые в себе соединили и больницы, и школы. У людей появилась возможность читать книги и другую литературу на родных языках. Власти оказали большое влияние на улучшения быта, хозяйства коренного населения. Таким образом, на Дальнем Востоке была проведена большая работа по социальной реконструкции, созданию национальной культуры и подъему политического уровня коренного населения. Социалистическая модернизация и связанные с ней радикальные преобразования оказали решающее влияние на трансформацию этнокультурных процессов в национальных районах Дальнего Востока. И лишь изучение необратимых последствий этого влияния может выявить положительный или отрицательный характер произошедших изменений.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Госзадание, наука), проект «Этнокультурные ресурсы и проблемы развития внутреннего туризма в Хабаровском крае».

Примечания:

1. Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 N 718 "О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)" // Собрание законодательства РФ, 02.09.2013, N 35, ст. 4509.
2. Гореликов А.И. Теория модернизации как новый подход к исследованию исторического процесса в России / А.И. Гореликов // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2011. Т. 2. № 7. С. 9-13.
3. Декларация прав народов России от 2(15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 39-41.
4. Бобышев С.В. Социалистическая модернизация традиционных этносов Дальнего Востока (20-е – середина 80-х гг. XX века) : этапы и итоги / С.В. Бобышев, А.В. Ахметова. Хабаровск: ДВГУПС, 2014. 233 с.
5. Культурная революция в СССР (1917 – 1965 гг.). М. : Наука, 1967. 257 с.
6. Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв.: Историко-этнографические очерки / под ред. И. С. Гурвича. М.: Наука, 1985. 239 с.
7. Базанов А.Г. Школа на Крайнем Севере / А.Г. Базанов, Н.Г. Казанский. Л.: Учпедгиз, 1939. 205 с.
8. Иващенко Л.Я. Современные российские просветители и исследователи дальневосточных народностей Севера / Л.Я. Иващенко. Владивосток: Дальнаука, 1996. 155 с.
9. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 532. Л. 10.
10. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1088. Л. 38.
11. ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 242. Л. 40.
12. Там же.
13. Там же. С. 54
14. ГАРФ. Ф. 3977, Оп. 1. Д. 1088. Л. 56.
15. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1 Д. 1088. Л. 49.
16. Путинцева А.П. Дневники Красной юрты / А. П. Путинцева. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2010. 350 с.
17. ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 3. Л. 47.
18. Фролова А. Н. Этнопедагогика детства коренных народов северо-востока России / А.Н. Фролова. Магадан : Кордис, 2001. 67 с.
19. ГАХК. Ф. 137. Оп. 2. Д. 2. Л. 35.
20. Akhmetova, A.V. The problems of creation of the writing system for native minorities of the Far East in the second half of 1920's-1930's // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 31 (1). С. 13–18.
21. Ахметова А.В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985 гг.) / А.В. Ахметова. Владивосток: Дальнаука, 2013. 169 с.
22. Балицкий В.Г. От патриархально-общинного строя к социализму / В.Г. Балицкий. М.: Мысль, 1969. 220 с.
23. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 66об.
24. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 66.
25. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.
26. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27. Л. 132.
27. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 280. Л. 31.
28. Первый туземный съезд ДВО / под ред. И. Ф. Федорова. Хабаровск: б.и., 1925. 140 с.

References:

1. RF Government Regulation dated 20.08.2013 N 718 "On federal special-purpose program "The advance of unity of the Russian nation, ethnical and cultural development of the peoples of Russia (2014 – 2020)" // Collection of Legislative Acts of the Russian Federation, 02.09.2013, N 35, p. 4509. (In Russian)
2. Gorelikov A.I. Modernization theory as a new approach to historical process analysis in Russia // Scholarly notes, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2011. Vol. 2. No. 7. pp. 9-13. (In Russian)
3. Declaration of rights of the peoples of Russia dated November 2 (15), 1917 // Soviet government decrees. Vol. I – Moscow: Political literature State publishing house, 1957. pp. 39-41. (In Russian)
4. Bovyshev S.V. Akhmetova A.V. Social modernization of traditional ethnic groups of the Far East (1920s – middle of 1980s) : stages and results. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2014. 233 p.
5. Cultural revolution in USSR (1917 – 1965). Moscow: Nauka, 1967. 257 p. (In Russian)
6. The peoples of the USSR Far East between XVII – XX centuries: Historical and ethnographical sketches / under the editorship of Gurvich I.S. Moscow: Nauka, 1985. 239 p. . (In Russian)
7. Bazanov, A. G. School in the Far North / A.G. Bazanov, N.G. Kazanskiy. Leningrad: Uchpedgiz, 1939. 205 p. (In Russian)
8. Ivashchenko, L. Ya. Contemporary Russian educators and researchers of the Far Eastern peoples of the North. / L. Ya. Ivashchenko. – Vladivostok : Dalnauka, 1996. – 155 p. (In Russian)
9. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 532. Page 10. (In Russian)
10. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 1088. Page 38. (In Russian)
11. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock 137. Series 10. File 242. Page 40. (In Russian)
12. Ibidem. (In Russian)
13. Ibidem. p. 54. (In Russian)
14. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 1088. Page 38. (In Russian)
15. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 1088. Page 38. (In Russian)
16. Putintseva, A. P. Red yurt diaries / A. P. Putintseva. Khabarovsk : Khabarovsk state museum named after N. I. Grodekov, 2010. - p. 126. (In Russian)
17. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock 137. Series 0. File 3. Page 47. (In Russian)
18. Frolova, A.N. Ethnopedagogics in the childhood of the indigenous peoples in the North-East Russia. / A. N. Frolova. Magadan : Kordis, 2001. – 67 p. (In Russian)
19. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock 137. Series 2. File 2. Page 35. (In Russian)
20. Akhmetova, A.V. The problems of creation of the writing system for native minorities of the Far East in the second half of 1920's-1930's // Bylye gody. Russian historical journal. 2014. № 31 (1). P. 17. (In Russian)
21. Akhmetova, A.V. Power and ethnicity: social policy of the Soviet state towards the native minorities of the Far East (1925 – 1985). Vladivostok: Dalnauka, 2013. – p. 60. (In Russian)
22. Balitskiy, V. G. From patriarchal communal society to socialism / V. G. Balitskiy. Moscow. : Mysl, 1969. 220 p. (In Russian)
23. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 66ob. (In Russian)
24. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 66 on the reverse side. (In Russian)
25. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 27. (In Russian)
26. The State Archive of Khabarovsk territory. Stock P-683. Series 1. File 27. Page 132. (In Russian)
27. The State Archive of the Russian Federation. Stock 3977. Series 1. File 280. Page 31. (In Russian)
28. The first aboriginal congress of the Far Eastern region / under the editorship of I. F. Fedorov. Khabarovsk : s. n., 1925. 140 p. (In Russian)

УДК 94:39 (571.6)

**Модернизация этнокультурных процессов
в национальных районах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.)**

¹ Анна Валинуровна Ахметова

² Сергей Васильевич Бобышев

¹ Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Российская Федерация
681021 Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, 36-55
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: wurd@ Rambler.ru

² Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Российская Федерация
680021 г.Хабаровск, Серышева, 47
доктор исторических наук, профессор
E-mail: history@festu.khv.ru

Аннотация. В статье на основе неопубликованных и впервые вводимых в научный оборот документов из федеральных и государственных архивов рассматривается история социалистической модернизации традиционных этносов Дальнего Востока России в 1920–1930-е гг. Особое внимание уделяется проблемам трансформации этнокультурных процессов в национальных районах Дальнего Востока, где важнейшую роль сыграли Комитеты Севера. Ключевыми сферами, подвергнувшимися радикальным изменениям, стали учреждения образования и воспитания, а также медицинское и санитарно-гигиеническое обслуживание коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Институциональными основами для проводимых мероприятий стали культбазы, школы нового типа, северные отделения ведущих вузов и др. Основной проблемой, решаемой на данном этапе, являлась подготовка педагогических кадров. Их нехватка на первых порах очень сильно мешала проведению модернизационных мер. Много усилий было сделано для становления стационарной медицинской сети в национальных районах, но в довоенный период решение этой задачи не было осуществлено. Был сделан вывод о фатальных последствиях этих мероприятий для дальнейшего развития культуры и быта аборигенов, в том числе формирования национальной интеллигенции. Подготовка интеллектуалов из среды народов Севера рассматривалась как наиболее эффективное средство их интеграции в советскую систему. Советское правительство не всегда учитывало бытовые особенности и традиции коренных малочисленных народов Дальнего Востока, особенности материальной и духовной культуры. В итоге форсированная модернизация страны нанесла традиционной культуре аборигенов, находящихся на стадии разложения первобытной общины, непоправимый урон, создав на ее обломках новую социалистическую культуру, удобную советскому государству.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, образование, медицинское обслуживание, культбаза, модернизация, Дальний Восток.